

ВЕСНОЙ 1961 года в Южной Корее среди широких слоев населения необычайно усилилась тяга к мирному объединению, все большую популярность приобрел лозунг: «Янки, убирайтесь домой!» Массы явочным порядком осуществляли свое право на элементарные демократические свободы: свободу слова, собраний, печати и т. д. В стране угрожающе быстро нарастала волна студенческих демонстраций, митингов протеста, забастовок, крестьянских выступлений. Все это свидетельствовало об усилении освободительной и классовой борьбы трудящихся. Говоря словами корейской пословицы, правительство Чан Мена оказалось в положении зажатой свечи на сквозняке.

В этих условиях южнокорейская реакция и ее заокеанские покровители прибегли к террору и насилию, чтобы любой ценой удержать народ под игом иностранной оккупации, подавить его стремление к свободе, единству и демократии. С ведома и благословения Соединенных Штатов южнокорейская военщина взяла власть в свои руки.

Анализ деятельности хунты за год показывает, что главной политической задачей государственного переворота было сохранить антинародный режим в Южной Корее, разгромить демократическое движение за мирное объединение страны.

Первые же шаги хунты ознаменовались серией драконовских законов и распоряжений, которые запрещали политическую деятельность демократических сил, вводилась строжайшая цензура. Массовые репрессии обрушились на прогрессивно настроенных лиц, особенно тех, кто стоял за мирное объединение Северной и Южной Кореи.

Во многих странах мира негодование и протест вызвал смертный приговор журналистам газеты «Минчжу ильбо»: Чо Ён Су, Сон Хи Юну и Ан Чи Юну. Им вменялось в вину, что они призывали к переговорам между Югом и Севером, к установлению экономических и культурных связей между двумя частями страны. К смерти был приговорен также один из лидеров Социалистической партии — Цой Пэк Кюн. На основе аналогичных обвинений была учинена расправа над руководителями и активистами Социалистической

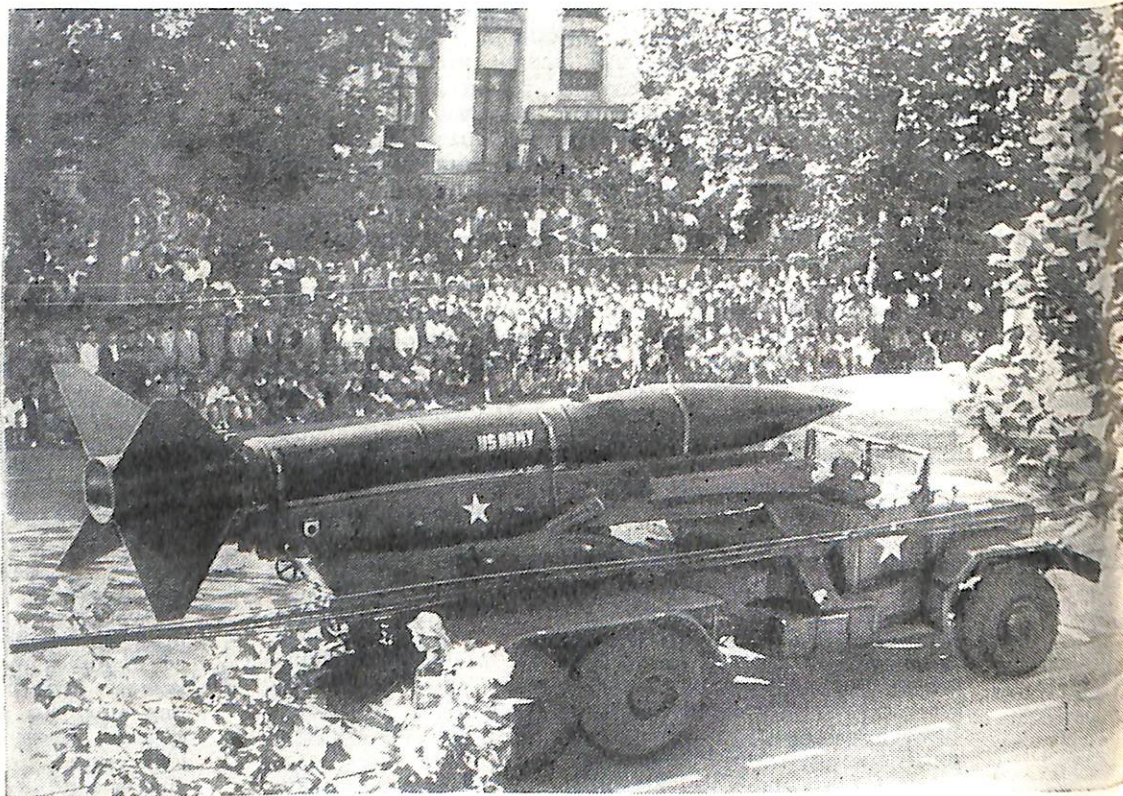
массовой партии, студенческой Лиги объединения нации, Реформистской партии, профсоюза учителей и т. д. Свое черное дело самозванные правители кощунственно нарекли «революцией», избрав своим знаменем антикоммунизм.

Изобличая фальшь лозунгов военных правителей, которые насилие над народом пытаются оправдать «революционными задачами», видный религиозный деятель Хам Се Хен писал в журнале «Сасанге» («Мир идей»): «Революцию вершит только народ. Военные — не народ, поэтому их ожидает провал, хотя они и заявляют, что совершают революцию».

Когда рассеялся пороховой дым, сеульским полковникам, привыкшим оценивать обстановку сквозь прорезь винтовочного прицела, волей-неволей пришлось заняться экономическими проблемами.

Южная Корея, бывшая житница страны, где и сейчас в сельском хозяйстве занято свыше 60 процентов населения, вынуждена ввозить ежегодно пять-шесть миллионов сок зерна (сок равен 150 килограммам). Сбыт излишков американской сельскохозяйственной продукции на южнокорейском рын-

Американцы оснащают южнокорейскую армию ракетным оружием.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ:

В. МАЗУРОВ, Б. СИНЦЫН

ке сбивает цены, крестьяне разоряются, залезают в непосильные долги. По официальным данным, на сентябрь 1960 года задолженность крестьян частным лицам составила 73 миллиона долларов. Минимум 20 процентов сельского населения постоянно недоедает, не говоря уже о ежегодных весенних голодовках. Так, в марте 1961 года число голодающих крестьян превысило миллион человек. Потеряв всякую надежду, крестьяне бегут в город, но там их ждет жестокое разочарование. Слабая южнокорейская промышленность, 99 процентов предприятий которой представлены мелкими и средними заводиками с допотопным оборудованием, почти не выходит из состояния застоя и депрессии. Предприятия горнодобывающей промышленности, чье производство ориентируется главным образом на внешний рынок, терпят одно банкротство за другим вследствие резкого колебания цен на мировом рынке. В обрабатывающей промышленности та же картина, но причина здесь другая: платежеспособный спрос основной массы населения, ведущей нищенское полуголодное существование, крайне мал. К этому нужно добавить острую нехватку сырья, топлива, оборотных средств. И вот результат: предприятия закрываются, или сокращается производ-

ство. Крестьяне пополняют армию безработных, которая насчитывала в 1961 году два миллиона полностью безработных и четыре миллиона полубезработных.

Причины бедственного положения южнокорейской экономики типичны для страны, зависимой от США. Это милитаризация (по-прежнему 70 процентов южнокорейского бюджета расходуется на содержание 600-тысячной армии и огромного полицейского аппарата), наводнение внутреннего рынка лежалыми американскими товарами вместо развития ключевых отраслей хозяйства, коррупция среди правящей верхушки.

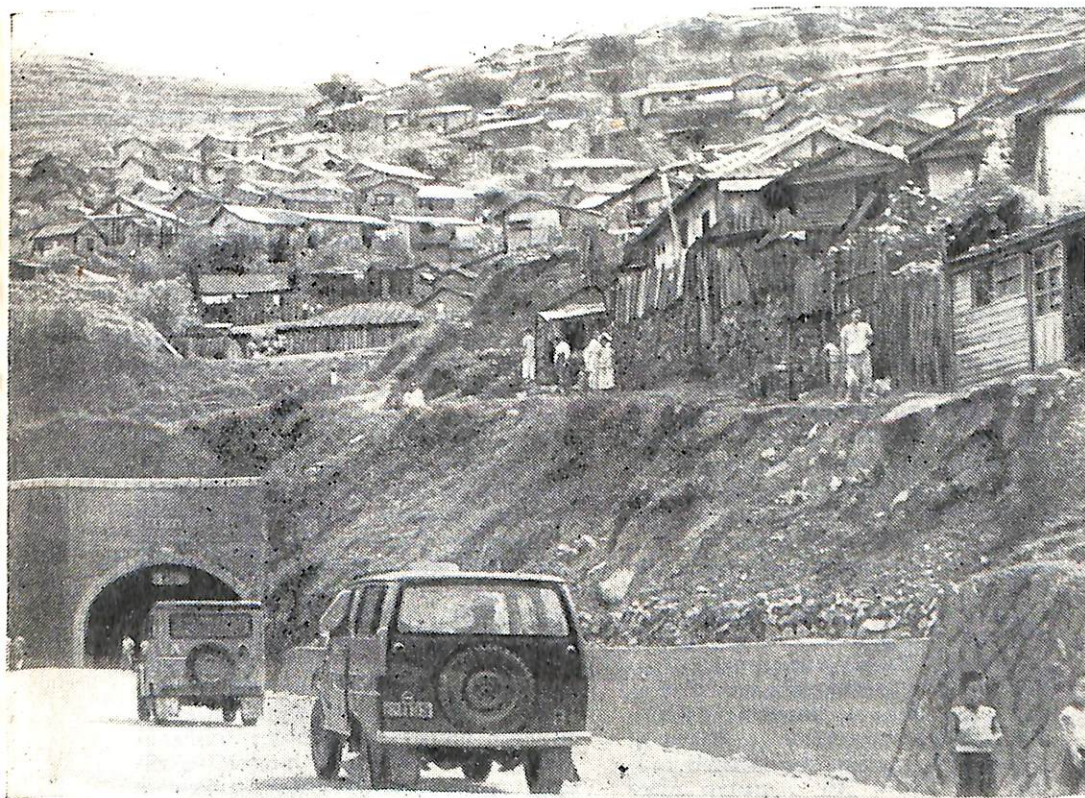
Военная хунта заявила о своем намерении покончить с этим положением и... пошла по проторенной Ли Сын Маном и Чан Менем дорожке. Об этом красноречиво свидетельствует разработка пятилетнего плана экономического развития Южной Кореи на 1962—1966 годы. Главная задача его — заложить основы «самообеспечивающейся экономики», то есть на свет извлечен пропахший нафталином лозунг лисынмановской клики.

Этот «честолюбивый план», как окрестила его западноевропейская и американская пресса, намечает строительство предприятий сталелитейной, цементной, химической промышленности, нефтеперегонных заводов, увеличение добычи угля, сооружение электростанций, новых линий связи, модернизацию транспорта, повышение производительности сельского хозяйства, создание рыболовного флота и т. д.

На осуществление плана предполагается ассигновать 2,5 миллиарда долларов. Почти 60 процентов этих средств военная хунта, как и ее предшественники, предполагает получить извне. Более 900 миллионов долларов будет предоставлено в виде американских «даров», примерно 500—700 миллионов долларов поступят в качестве частных иностранных капиталовложений и займов из США, Японии, ФРГ, Италии, а также как займы различных международных финансовых организаций.

Характерно, что американская «помощь» будет использована почти полностью для импорта потребительских товаров и лишь средства из частных источников пойдут на капитальные вложения и оплату технических услуг. Не случайно военное «правительство» уже в начале августа 1961 года опубликовало поправки к закону об иностранных капиталовложениях в Южной Ко-

Около семи миллионов жителей Южной Кореи не имеют жилищ, в то время как военная хунта тратит миллионы долларов на строительство стратегических дорог.

ГОД ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ

рее, которые отменяют ряд ограничений для частных инвесторов.

Предлагаемый рецепт лечения хронических недугов южнокорейской экономики не блещет оригинальностью: петля иностранного засилья, в первую очередь американского, затаянется еще туже. Кстати сказать, его составители сами расписываются в своем бессилии. По их собственным прогнозам, к концу пятилетки, в 1966 году, останется 1,4 миллиона безработных, а дефицит платежного баланса составит около 187 миллионов долларов.

Военная хунта вынуждена была принять меры, дабы создать видимость, что она печется о благе народа.

25 мая 1961 года, то есть спустя девять дней после переворота, был издан декрет, согласно которому крестьяне временно освобождались от выплаты ростовщических ссуд (20 процентов годовых и выше). Несколько позже военное «правительство» выпустило закон о поддержании сельскохозяйственных цен: оно обещало закупать в случае крайней необходимости сельскохозяйственную продукцию, чтобы не допустить падения цен ниже уровня издержек производства. Наконец, военное «правительство» предусматривало особые ссуды фермерам, выдаваемые под залог будущего урожая, чтобы воспрепятствовать продаже урожая на корню.

Разумеется, эти куцые мероприятия хунты не устраняли бедствий южнокорейской деревни. Это, безусловно, был маневр, рассчитанный на то, чтобы

ослабить недовольство в деревне, где накопилось более чем достаточно горючего материала.

В тех же демагогических целях хунта всемерно афиширует лозунг «борьбы против коррупции». В августе 1961 года Высший совет национальной реконструкции взял под свой контроль 89 крупных предприятий, владельцы которых обвинялись в том, что они «нажили состояние незаконным путем». Под контроль ВСНР попали и все пять частных банков Южной Кореи. Хунта устроила даже показательные судебные процессы.

Однако общеизвестно, что самыми большими ворами в Южной Корее являются милитаристы. Далеко не полный перечень совершенных ими преступлений показывает чудовищные размеры их алчности. Приведем лишь несколько примеров. В 1960 году около двух тысяч южнокорейских офицеров были осуждены за продажу на черном рынке военного обмундирования, автомобильных частей, бензина на сумму в 500 тысяч долларов. В начале октября 1961 года были разоблачены крупные хищения, совершенные командным составом расквартированных в провинции Чолла-Пукдо войск. Распроданное с военных складов имущество оценено в полмиллиона долларов.

Итак, воры стали судить воров. К чему это привело? Учрежденная хунтой «комиссия по расследованию незаконно накопленных богатств» была в

(Окончание см. на стр. 20)

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК МАРИОНЕТОК

ОБЗОР ЯПОНСКОЙ ПРЕССЫ

События, развернувшиеся в Южной Корее, привлекают к себе внимание японской прессы. Интерес к ним японской общественности вполне понятен: Корея близко расположена к Японским островам, кроме того, по планам США, Японии отводится особая роль в разрешении политических и экономических трудностей, которые переживает южнокорейский режим военной диктатуры. Положению в Южной Корее посвящена серия статей, опубликованных в японском буржуазном общественно-политическом журнале «Сэкай» за второе полугодие 1961 года.

Интересна статья обозревателя агентства Киодо цусин Фудзисима Удаи «Переворот в Южной Корее и обстановка, в которой он был совершен», помещенная в июльском номере журнала. Фудзисима подчеркивает сугубо антинародный характер переворота, совершенного военной хунтой в мае 1961 года. Он пишет: «Что за люди пришли к власти на смену правительству Чан Мена и

установили в стране диктатуру военно-фашистских кругов? Кто такие Чан До Ён, Пак Чжон Хи и их сподвижники, руками которых осуществлялся заговор? Оказывается, за каждым из них стоит тень Ли Сын Мана и вся эта чехарда со сменой Чанов и Пакков — не более как стремление сохранить порядки, господствовавшие при Ли Сын Мане...

Генерал-майор Пак Чжон Хи в годы японской агрессии в Маньчжурии обучался в маньчжурской офицерской школе. Перед самым концом второй мировой войны он закончил офицерское училище в Японии, а уже после войны — военную школу в Южной Корее. Во время корейской войны Пак Чжон Хи занимал пост заместителя начальника оперативного управления генерального штаба, а в период «апрельской революции» — пост начальника управления. Тогда-то усилиями начальника генштаба генерал-лейтенанта Цоя он и был переведен на должность заместителя командующего второй армией...

Характеризуя военно-фашистскую клику, Фудзисима отмечает, что среди высшего командного состава южнокорейской армии много выходцев с Севера.

«Как принято говорить в Японии, — пишет автор, — все они люди «военного поколения»... К моменту освобождения им [в основном это были сынки помещиков] было всего по 22—23 года и они пользовались достаточным влиянием. Но вот в Северной Корее была проведена радикальная земельная реформа, и недовольные ею помещики бросились на Юг. Там их с распростертыми объятиями встретили Ли Сын Ман и американская армия; многие из них вскоре оказались во главе различных общественных организаций. Вряд ли можно встретить среди населения Южной Кореи людей, с такой ненавистью относящихся к Северу. Их ненависть к Северной Корее аналогична той, которую питают к режиму Кастро эмигранты, бежавшие с Кубы...»

Итак, сынки помещиков, бежавшие с Севера и радушно встреченные в Сеуле американцами и их марионеткой Ли Сын Маном, — вот кто стоит во главе